– Хотели заменить его Мочаром?

– Да нет, что вы. Кем угодно, но не Мочаром. Он вел себя по-хамски. Его ненавидели все. Мочар уже тогда выставлял напоказ свой антисемитизм.

Окончание в следующем номере

Перевод Ежи Беккера

Жорес Медведев

ГОРБАЧЕВ*

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Первый год после прихода Горбачева к власти был отмечен беспрецедентно крупными изменениями в Политбюро и правительстве и быстрым определением экономических целей и методов экономического развития на ближайшие 15 лет. Однако во всех прочих отношениях изменения во внутренней политике были чисто косметическими. Политические акции лучше преподносились, стиль стал более современным, но по существу мало что изменилось. Причина этому не в краткости периода и не в сосредоточенности на экономических задачах. Условия для определения новой внутренней политики были особенно благоприятными в 1985 году. Тогда разрабатывались новые программы и устав партии; долгосрочные экономические программы предоставляли хорошие возможности и было проведено много международных встреч, в связи с которыми публиковались заявления, касающиеся внутренней политики.

При предыдущих сменах руководства новый вождь вынужден был под давлением обстоятельств предпринимать действия, чреватые серьезными идеологическими и международными откликами. Например, Хрущев сместил Берия и объявил о сталинских преступлениях, чтобы предотвратить казнь выдающихся

* Отрывки из книги Zhores A. Medvedev "Gorbachev", W.W. Norton & Company, New York–London, 1986, стр. 208-242.

врачей, осужденных и приговоренных в феврале 1953 года. В области внешней политики было настоятельно необходимо закончить войну в Корее. При Брежневе было меньше международных кризисов, требовавших немедленного разрешения, но он и его коллеги энергично действовали в консервативном стиле, чтобы изменить либеральные тенденции в идеологии и внутренней политике, возникшие при Хрущеве, запрещая публикацию книг, выпуск фильмов и т. д. Горбачев, придя к власти, видел самую неотложную задачу не в каких-то действиях, а в составлении документов, прежде всего программы партии, где содержались бы рекомендации о будущей внутренней политике и положении СССР в мире. Окончательный вариант этих документов показал, что новое руководство еще не готово к действенным идеологическим и политическим инициативам.

Многие общественные и профессиональные группы вынашивали надежды, что новое руководство разрешит накапливавшиеся годами, а то и десятилетиями, задачи. Центральный Комитет, Президиум Верховного Совета и редакторы ведущих газет всегда получали много писем, а после смены руководства они покатились лавиной. Эти письма, а не выборы в Верховный Совет, отражают общественное мнение. В начале 60-х годов „Известия" сообщали, что получают до 2000 писем в день, а „Правда", может быть, получала еще больше. Почти каждый гражданин СССР хоть раз в жизни написал письмо, начинающееся обращением „Уважаемый товарищ...", и адресовал его кратко: „Москва, Кремль". Теперь, когда этим „товарищем" стал энергичный Горбачев, он, наверное, получил несколько миллионов писем, содержавших не только поздравления, но предложения, проекты, просьбы, жалобы, требования справедливости, обращения по поводу заключенных (их в СССР более 2 млн. человек), от политических заключенных и от инакомыслящих всякого рода (почти все известные советские инакомыслящие начали свою общественную деятельность с письма в ЦК или Политбюро). Эти письма – важный аспект советской политической жизни, они поощряются конституцией, статья 49 которой гласит:

„Каждый гражданин СССР имеет право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об

улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе. Должностные лица обязаны, в установленные законом сроки, рассматривать предложения и заявления граждан, давать на них ответы и принимать необходимые меры. Преследование за критику запрещается".[1]

Эта важная статья советской Конституции означает, что если послано соответствующее письмо в Политбюро или в ЦК, даже самая радикальная политическая критика не должна истолковываться как „антисоветская пропаганда". Если такие письма не были преданы широкой гласности, не распространялись в Самиздате и не отправлялись за границу, автор или авторы не должны привлекаться к суду. Естественно, письма такого рода могут попасть в Самиздат или за границу не по воле авторов. Но официальные лица рассматривают это как предлог для предъявления обвинения в нарушении закона.

Похоже, Горбачев понял важность этих писем как барометра общественного мнения. Он неоднократно цитировал их в речах по поводу экономических проблем (в Целинограде, например, он цитировал письма простых людей, которые предлагали поднять цену на хлеб, чтобы его не скармливали скоту). Организация ответов на эти письма была предметом его первой внутренней перестройки в Центральном комитете. Численность этих писем теперь такова, что большой отдел со 150 сотрудниками не справлялся с ответами на них, поскольку закон устанавливал одномесячный срок для ответов на письма. Было решено распустить отдел и распределять почту по соответствующим отделам ЦК. Это было здравое решение, так как многие письма были слишком специальны, чтобы на них могли ответить сотрудники отдела писем.

Однако первым идеологическим испытанием для нового руководства оказался так же, как и для предшественников Горбачева, вопрос о Сталине. В марте шли интенсивные приготовления к празднованию сороковой годовщины Дня победы. Перед смертью Черненко было объявлено о выпуске фильма „Победа". Снятый в 1983-1984 годах, фильм представлял Сталина мудрым героем, а Черчилля и Трумэна отрицательными персонажами, мало сделавшими, чтобы помочь усилиям СССР в войне. Нужно было решить, выпускать ли этот фильм на экраны. Имелись

группы, в частности ветеранов войны, которые настаивали на реабилитации Сталина. Волгоградский горсовет и Общество ветеранов обратились с петицией о возвращении городу названия Сталинград, и говорили, что Черненко был готов подписать соответствующий Указ. Горбачев пошел на компромисс. Фильм появился на экранах, но Волгоград остался Волгоградом. Многие интеллектуалы были успокоены этим решением.

Речь Горбачева в канун Дня победы, 8 мая, не была интересной. По-видимому, речь была написана для него, так что это был очень официальный и сдержанный анализ. Однако Горбачев признал наличие ошибок и просчетов в начале войны, предшествовавших победе, и упомянул имя Сталина только один раз. Если и существовало намерение реабилитировать Сталина, от него очевидным образом отказались. С другой стороны, традиционная „юбилейная" амнистия была разочарованием. Указ об амнистии, принятый Президиумом Верховного Совета в конце апреля, был очень избирательным, явным образом исключавший статьи уголовного кодекса, используемые против политических заключенных. Исключались даже те, кто получил менее трех лет по статье 191[1] УК.[2] Такие политзаключенные как Юрий Орлов и Сергей Ковалев, уже отбывшие семилетнее заключение в лагере и находившиеся в пятилетней ссылке, тоже не попали под амнистию. Это было безошибочным признаком, что новый руководитель не является либералом.

Это был не первый признак, но интеллектуалы продолжали надеяться, что после вступления Горбачева в должность, произойдут какие-то изменения. Евреи-„отказники" надеялись, что эмиграция, фактически прекратившаяся при Черненко, будет облегчена. Поначалу ситуация казалась обнадеживающей. В марте получили разрешение эмигрировать 98 человек.[3] В апреле еще 166 человек прибыли в Вену, среди них были люди из Москвы и Ленинграда, откуда ранее было труднее всего эмигрировать.[4] Однако подготовительные операции, которые надлежит проделать для эмиграции, так сложны, что заявления тех, кто уезжали в апреле, должны были рассматриваться много ранее. Летом число разрешенний на эмиграцию стало уменьшаться, и к августу упало до 30-40 в месяц (в это число не входят немцы Поволжья, о которых известны только данные за весь год).

Это много ниже среднего уровня 1983 года, когда ежемесячно около 100 евреев получали разрешение (в разгаре эмиграции в 1979 г. численность эмигрантов возросла до 51. 330. Новая „холодная война" уменьшила их число до 9. 447 в 1881 г. и 2. 692 в 1982 г.).

Данные об эмиграции принято рассматривать как существенный показатель отношения советских властей к проблеме прав человека. Известно, что примерно 100 тыс. советских граждан подали заявления и ждут разрешения уехать, а численность „отказников" составляет около 30 тыс. человек. Эти данные характеризуют и общий уровень демократии внутри страны, и международную ситуацию. В октябре эти цифры снова несколько возросли в связи с визитом Горбачева во Францию и приготовлениями к встрече с президентом Рейганом. В октябре 124 еврея покинуло Советский Союз, в том числе 44 из Москвы и 1 из Ленинграда.[5] В ноябре эмигрировало 128 человек.

В интервью французскому телевидению 30 сентября Горбачев продолжал утверждать, что эмиграцию надо рассматривать только как „воссоединение семей". Это значит, что для советских евреев, немцев, греков и других национальных меньшинств не существует естественного права покинуть страну по религиозным, национальным и культурным мотивам. В том же интервью Горбачев показал, что он имеет очень слабое представление о существе еврейской проблемы в СССР. Он утверждал, что положение евреев в СССР лучше, чем где бы то ни было в мире: „Еврейское население, составляющее 0,69% населения страны, в политической и культурной жизни представлено в количестве от 10 до 20%".[6] Он был прав в отношении удельного веса евреев в численности населения СССР, но очень трудно измерить, насколько они представлены в советской культурной жизни. Помимо всего прочего, это вопрос не только правительственной политики, но также вопрос, связанный с индивидуальными усилиями и склонностями. И сказать, что евреи представлены в советской политической жизни в пределах от 10 до 20%, является очевидным абсурдом. В правительстве есть только один еврей (Вениамин Дымшиц), а это менее 1%. Пропорция евреев в коммунистической партии была равна 1,4% в 1983 г.

и только один еврей (вездесущий Дымшиц) среди 311 членов ЦК.

Со времени первого визита в Советский Союз группы американских сенаторов и конгрессменов в апреле, Горбачев получил много личных обращений по поводу политических заключенных и „отказников". Его ответ был обычным: „Позвольте нам самим решать наши внутренние проблемы".[7] Он также продолжал утверждать, что политических диссидентов судят только тогда, когда они нарушают закон, хотя он должен знать, что советский закон обращает инакомыслие в преступление. Тем не менее, перед женевской встречей на высшем уровне был сделан жест доброй воли. В ноябре Елене Боннэр, жене сосланного Андрея Сахарова, было разрешено выехать за границу. На самом деле Сахаров начал свою третью голодовку по этому поводу в октябре, требуя, чтобы его жене было разрешено выехать для лечения. У него слабое здоровье, ему было 64 года, он был очень слаб после прежних голодовок, закончившихся в больнице принудительным кормлением. Его жизнь была под угрозой. Если бы он умер в ноябре, негодование в США было бы слишком сильным, чтобы Горбачев мог рассчитывать на какой-то успех в Женеве. Ставки были слишком высоки, и в конце октября Елене Боннэр сообщили, что она может выехать за границу немедленно. Сахаров был крупнейшей проблемой для Горбачева в области „прав человека". Он был выслан в Горький в 1980 г. без суда и судебного разбирательства. Это было сделано КГБ под ложным предлогом, что Сахаров располагает государственными секретами (ложным потому, что Сахаров был уволен из института атомной энергии в 1968 г., двенадцатью годами ранее, и не принимал участия в ориентированных на военные нужды исследованиях с 1964 г.).

От правозащитных групп в СССР, особенно от членов Московской Хельсинкской группы и эмигрантов — бывших политзаключенных продолжала поступать информация об арестах инакомыслящих и активных правозащитников, и, судя по еженедельным сообщениям о нарушениях прав человека, издаваемых Кронидом Любарским, во второй половине 1985 г. не было заметно существенных изменений ситуации.[8] Московский международный фестиваль молодежи проходил под особо усиленной охраной милиции — случалось, что милиционеров оказывалось больше, чем гостей. Предыдущий фестиваль молодежи, в 1957 г., был радостным и свободным съездом юношей и девушек. На этот раз атмосфера была совсем иной. Гостям выдали пропуска с их фотографиями, которые они должны были носить постоянно. Дискуссии проводились главным образом на политические темы с явной антизападной направленностью.

Положение в Союзе писателей и других союзах „творческой интеллигенции" (журналистов, композиторов, кинематографистов и т. д.) обычно может служить хорошим показателем внутреннего политического климата. Всегда имеются десятки повестей, фильмов, пьес и т. д., представленных для опубликования или для разрешения постановки на сцене или экране. Все пьесы и фильмы должны получить разрешение специального комитета, возглавляемого соответствующим цензором (на областном уровне, если пьеса представлена провинциальному театру). Значительная часть этих работ была отвергнута или отложена до внесения изменений. Авторы, редакторы и режиссеры (среди них очень известные) неизбежно обращались к новому руководителю для разрешения их трудностей с цензорами. В апреле появились обнадеживающие признаки того, что изменения носятся в воздухе. Горбачев отказался увидеться с двумя наиболее консервативными руководителями Союза писателей — Г. Марковым, председателем, и А. Чаковским, редактором „Литературной газеты". Ему полагалось встретиться с ними, чтобы наладить хорошие отношения с этими ответственными работниками (Андропов виделся с ними в декабре 1982 г. и выразил им свое доверие), но им было сказано, что Горбачев слишком занят. Стало известно также, что Петр Демичев (министр культуры, кандидат в члены Политбюро и бывший глава отдела пропаганды ЦК) и его должностные лица стали более вежливы с посетителями. С другой стороны, Прибытков, один из главных помощников Черненко, был назначен заместителем Комитета по охране государственных секретов в печати (официальное название советской цензуры). Для Прибыткова это было понижением и не сулило ничего хорошего в области цензуры. Были слухи, что Горбачев и Михаил Зимянин, второй секретарь идеологического отдела ЦК, второй человек после Сусло-

ва, выполнявший ту же роль при Лигачеве, не поладили. Но, по-видимому, никаких новых инструкций не было и ситуация не улучшилась. Идеологические заявления Горбачева были двусмысленны и не обнаруживали нового подхода. Похоже было, что Горбачев целиком поручил идеологию Лигачеву и сконцентрировал свое внимание на экономике.

В августе Евгений Евтушенко, известный поэт и политически противоречивая фигура, написал Горбачеву письмо о плачевном состоянии советской литературы и чрезмерной строгости цензурных ограничений. В итоге в „Правде" 9 сентября была опубликована его короткая поэма, в которой поддерживалась экономическая политика Горбачева, содержались нападки на бюрократов, боящихся нововведений и противящихся им, и восхвалялся шестимесячный советский мораторий на ядерные испытания, как „беспрецедентной смелости подвиг во имя мира".[9] Поэма содержала также скрытую критику коллективизации и открытую критику Лысенко, связывая нынешние сельскохозяйственные трудности с бюрократическими преградами. Но из поэмы ясно следовало, что не партия, а бюрократы ответственны за все это.

В том же месяце Горбачев назначил Александра Яковлева главой отдела пропаганды ЦК, сместив Стукалина, назначенного послом в Венгрию. Это рассматривалось как хороший знак. Отдел пропаганды является ключевым звеном лигачевского идеологического секретариата. Похоже, назначение это было произведено в спешке (как и назначение Разумовского главой организационного отдела), так как обычно глава отдела пропаганды является членом или кандидатом в члены ЦК, а Яковлев таковым не был. Он был заместителем заведующего отделом пропаганды, но был смещен Сусловым в 1970 г. (очевидно, за публикацию в политических и литературных журналах статей с критикой неосталинистских и русофильских тенденций) и назначен послом в Канаду. В этом качестве он сопровождал Горбачева во время его визита в Канаду, и между ними установились хорошие отношения. Яковлев был возвращен в Москву и назначен директором Института мировой экономики и международных отношений. Он сопровождал Горбачева во время его визита в Великобританию в 1984 г. Считается, что Яковлев не консерватор, но он получит влияние, только если будет избран в ЦК.

Новые назначения в идеологическом отделе выглядят весьма обещающими. Грубо говоря, советские „идеологические работники" делятся на две группы: консервативную, ортодоксальную, которую поддерживали Суслов и Демичев, и более склонную к реформам, „умеренно прогрессивную". Директор Института США и Канады Георгий Арбатов, бывший редактор „Правды", а теперь директор института социологии Алексей Румянцев, старший сотрудник международного отдела ЦК и плодовитый писатель по вопросам социализма и коммунизма Г. Шахназаров, Александр Бовин и Федор Бурлацкий, оба известные журналисты – относятся ко второй группе. Склонную к реформам группу точнее назвать прогрессивной, чем либеральной. У этой группы установились хорошие отношения с Андроповым, когда он до 1967 г. был секретарем ЦК. После некоторого спада влияния они, похоже, вновь выступили на сцену после смерти Брежнева. Горбачев, не имевший собственного интеллектуального окружения, видимо, набирал советников, помощников и других должностных лиц из этой группы. Но печально известные своим консерватизмом Зимянин, глава отдела культуры ЦК Шауро и редактор журнала „Вопросы экономики" и директор Института экономики Хачатуров сохранили влияние и, возможно, имеют лучшие, чем прогрессисты, отношения с Лигачевым.

Третья группа – „центристская". В нее входят редактор „Правды" Афанасьев и редактор теоретического партийного журнала „Коммунист" Ричард Косолапов. Поскольку Советский Союз является идеологическим государством, публикации в партийных органах печати обычно бывают наиболее значимыми показателями текущих политических и идеологических тенденций. Марксизм-ленинизм является существенным связующим звеном между различными государственными учреждениями и легализует верховную власть партии и ее генерального секретаря. Идеологические связи между разными частями государственной машины сохранят свою прочность, если сохранится цементирующая роль идеологии. Эта роль явно уменьши-

лась во времена Брежнева, но это было вызвано не структурными изменениями, а своего рода „идеологическим склерозом". Верхи партии были не способны создать идеологический, социальный или политический документ, к которому образованные круги могли бы отнестись серьезно. В 1970-х и 1980-х годах лучшее, что могла предложить партия для вдохновения народа, были „труды" Брежнева – воспоминания о годах войны, о целине и т. д., примитивно и убого написанные за него другими и породившие бесчисленные анекдоты.

Сам Горбачев тоже не избежал некоторой причастности к примитивным и бессмысленным идеологическим материалам того периода. В речи на конференции по вопросам идеологии в Ставропольском крае в мае 1978 г., когда он еще был секретарем горкома, Горбачев сказал:

> „...Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев – талантливый руководитель ленинского типа. Его титаническая повседневная работа направлена на укрепление мощи страны, повышение благосостояния трудящихся, на упрочение мира и безопасности народов.
>
> Недавно мы раскрыли страницы замечательной книги товарища Л. И. Брежнева „Малая земля", где золотыми буквами запечатлены портреты легендарных героев боев за Северный Кавказ. Немного времени прошло со дня публикации книги, но воспоминания вызвали всеобщий, подлинно всенародный интерес. Чтобы удовлетворить бесчисленные запросы тружеников Ставропольщины, в феврале эти воспоминания будут перепечатаны из журнала „Новый мир" в наших краевых газетах „Ставропольская правда" и „Кавказская здравница".
>
> В книге „Малая земля" не так много страниц, но по глубине идеологического содержания, по широте обобщений и мыслей автора она стала большим событием общественной жизни. Она вызвала горячий отклик в сердцах советских людей и восхищенные отзывы солдат-фронтовиков на читательских конференциях и в печати.

> Коммунисты и все труженики Ставропольщины бесконечно благодарны Леониду Ильичу Брежневу за его подлинно вдохновленную партией литературную работу, в которой источники великого подвига нашей героической страны, ее духовной и нравственной силы, ее стойкости и мужества вскрыты с философской глубиной". (Обратный перевод с англ., – Ред.)[10]

Читая это неумеренное восхваление поверхностного и посредственного сочинения Брежнева, нельзя не почувствовать, что его идеологическое воздействие является обратным. Кроме всего прочего, изложение Брежнева искажает историю. Я сам был в 1943 г. солдатом Таманского фронта, и „Малая земля" была всего лишь его небольшим береговым аванпостом, возникшим во время наудачного наступления на Новороссийск в апреле и затем в мае 1943 г. Пока Брежнев 30 лет спустя не изобразил события там как основную битву, они были незначительным военным эпизодом. Брежнев был тогда политкомиссаром и только однажды получил повышение в чине: в 1941 г. он был полковником, а к 1945 г. стал генерал-майором. Но в 1978 г. официальная пресса стала писать о нем так, как будто он был более выдающимся военным героем, чем маршал Жуков.

Многие партийные чины поважнее Горбачева в 1978 г. расточали необычайные похвалы брежневскому литературному опусу. Это свидетельствует о пустоте, деградации и разложении идеологии. Легко понять „культ" во времена Сталина, когда должностные лица опасались за свои жизни. Но в 1978 г. они рисковали только задержкой в продвижении по должности или утратой какой-то привилегии.

Таким образом, в 1985 г., когда Горбачев стал генеральным секретарем, необходимость новых идей и инициатив в области идеологии стала весьма настоятельной. Было очевидно, что Горбачев не собирался сам удовлетворить эту необходимость, разве только в роли руководителя идеологического „банка идей", начинавшего возникать. Отдельный „банк идей" стал формироваться вокруг Лигачева. Это создавало возможность будущих противоречий между „левым" и „правым" направлениями, но нельзя было сразу определить их тенденции.

Идеальной ареной для столкновения был проект партийной программы, подготавливавшийся к XXVII съезду партии. Задачей программы является толкование текущих внутренних и международных проблем и выдвижение их краткосрочных решений. Другими словами, это – современный „Коммунистический манифест". Новая программа была весьма необходима, так как прежняя была принята в 1961 г. на ближайшие 20 лет. Она намечала очень определенные цели, которые никогда не были достигнуты, что с какого-то момента стало создавать трудности и снижать политическую легитимность партии. Новая программа была нужна и для внутрипартийных целей (так как существует процедура приема в партию новых членов, заявляющих о своем согласии с программой), и для нужд международной политики – программа КПСС служит моделью программ других правящих коммунистических партий.

Несмотря на успехи ленинской коммунистической партии, контролирующей значительную часть мира, формальная программа всегда была наиболее слабым местом международного коммунистического движения. Любая программа устаревала в течение двух-трех лет после ее принятия, и вновь вступающие изучали, собственно, не программу, а последние партийные документы и постановления. Первая официальная программа была принята в 1903 г. на II съезде партии в Брюсселе и затем в Лондоне, где произошел раскол между большевиками и меньшевиками. Программа требовала неограниченной свободы совести, слова, прессы, собраний, забастовок и профсоюзов.[11] Следующая программа была составлена Лениным и Троцким и одобрена VIII партсъездом в 1919 г. Она отражала условия гражданской войны и системы „военного коммунизма". Эта программа была и радикальной, она отражала надежду на неизбежность мировой революции, и утопической, обещая отмену денег и совершенно новый экономический порядок. Хотя после введений в 1921 г. НЭПа все это утратило смысл, новой программы не было до смерти Сталина. Так как Сталин правил как диктатор и роль партии значительно уменьшилась, отсутствие программы было несущественным.

Третья программа подготавливалась с 1954 г. по 1961 г. и была принята на XXII съезде КПСС. Хотя партия просуществовала без формальной программы многие годы в правление Сталина, Хрущев обнаружил, что ему она очень нужна. Его критиковали китайские, албанские и другие руководители как „ревизиониста", и он нуждался в документе, который узаконил бы его идеи о коммунизме и советской политической и экономической системах и сделал бы их моделью для других стран с коммунистическими правительствами. Он надеялся таким путем приостановить раскол, наметившийся в международном коммунистическом движении (и Китай, и Югославия предложили альтернативные модели коммунистического развития, и многие коммунистические партии мира раскололись на соперничающие фракции). Таким образом, на международной арене третья партийная программа была даже важнее чем на внутренней. В итоге программа оказалась хвастливой, ее переполняли обещания и притязания. В программу был включен „моральный кодекс", заимствованный из христианского учения (игнорируемый самими руководителями), определены экономические и общественные цели на 70-е и 80-е годы, но вскоре выяснилась их нереалистичность, а также ненадежность и несовершенность системы планирования хрущевской администрации. Программа обещала, что валовое производство и потребление СССР сравняются с американскими показателями к 1970 г. и превзойдут их к 1980 г.; к этому времени будет построен коммунизм и люди будут получать все необходимое по своим потребностям; Советский Союз достигнет наивысшей производительности труда в мире; каждая семья будет иметь отдельный дом или квартиру; колхозы и совхозы станут процветающими и доходными, а питание населения будет базироваться на научных нормах.

Ничего из этого не было достигнуто. В программе указывалось, что национальный доход в 1980 г. будет в 5 раз выше чем в 1960 г. К этому времени СССР будет производить 2700 млрд. киловатт-часов электроэнергии в год (на деле в 1980 г. этот показатель был 1295 млрд), 700 млн т. нефти (в 1980 г. было добыто 603 млн. т.), 300 млн. т. зерна (урожай 1980 г. был 189 млн. т.) и 30 млн. т. мяса (производство мяса в 1980 г. было 15 млн. т.).[12] Не была достигнута ни одна из намеченных цифр (лучшие показатели оказались по хлопку – 9, 96 млн. т. в 1980 г. при обещанных 10 млн. т.).

Этот краткий обзор прежних партийных программ объясняет, почему тон новой программы более скромный. Проект программы подготавливали со времени XXVI съезда, состоявшегося в 1981 г. Тогда была учреждена комиссия по подготовке проекта программы под председательством Брежнева. Эту должность унаследовал Андропов, а потом Черненко. Проект последовательно отражал мнения очередного генерального секретаря. Но не так важно, что многие внесли свое в окончательную редакцию документа, опубликованного для обсуждения в октябре 1985 г.[13] Одобрил окончательную версию Горбачев, и она войдет в историю партии как „горбачевская программа". Хотя в программе отражены интересы многих группировок и имеются различия в разделах, приготовленных разными отделами ЦК, в программе отразилась личность Горбачева. Окончательное одобрение каждого раздела принадлежало ему, и поэтому окончательная ответственность за программу в целом лежит на нем.

Детали новой программы могут быть неважны в политической биографии, но в ней имеются полезные указания на методы и возможные направления политики Горбачева. Эта программа много короче хрущевской и куда менее „цветиста". Она написана людьми, у которых меньше иллюзий относительно будущего, она обещает в ближайшем будущем не коммунизм, а только „зрелый социализм". Не предвещается в ближайшем будущем и закат капитализма — капитализм выживет, так как вынужден социализмом идти на уступки народу. Многие исторические факты искажены или вообще не упомянуты, отсутствует критика прошлых ошибок и трагедий. Признаются некоторые недостатки руководителей („культ личности" Сталина, „волюнтаристские и субъективистские" ошибки Хрущева, „неблагоприятные тенденции и трудности", созданные Брежневым), но все это в прошлом, и партия, „проявляя большевистскую принципиальность и самокритичность", работает над устранением этих последствий.[14]

Международный отдел программы валит все негативные моменты на капитализм и все позитивные изменения ассоциирует с социалистическими странами. Международное положение описано в черно-белых тонах и анализу недостает объективности. Общий вывод — фальшивый: Советский Союз идет во главе мирового и технического прогресса. Все написано амбивалентно, так, чтобы сделать возможными различные толкования. Демократия трактуется как „реально существующая демократия", свобода информации как „доступ ко всем источникам знания", при этом многие аспекты информации, к которым у советских граждан нет доступа, определяются как „ненужное знание", несущественное для их нужд, а о правах человека сказано, что это понятие „наполнено действительно жизненно важным содержанием", и их тесно связывают с обязанностями. В новой программе нет отдела, посвященного сельскому хозяйству (в программе 1961 г. проблемы сельского хозяйства рассматривались) и не обсуждаются глобальные проблемы демографии и окружающей среды, выдвинувшиеся на передний план в развитых странах мира в 1970-е и 1980-е годы. С другой стороны, менее важные проблемы, такие как оптимальное сочетание общего и профессионального образования в советских школах, обсуждаются детально. Общее впечатление от новой партийной программы таково, что консервативное идеологическое крыло продолжает доминировать в ЦК.

Вот одно из противоречий в программе: в ней признается, что цены должны отражать затраты на производство продукта. „Следует совершенствовать ценообразование с тем, чтобы цены точнее отражали уровень общественно необходимых затрат, а также качество продукции и услуг".[15] Но программа также сулит увеличить покупательную способность рубля, что означает совершенно обратное сказанному выше. Если цены отражают затраты на производство, цены на продукты питания должны были бы резко подняться. В программе этот анализ связан с идеями социализма и коммунизма об уровне потребления. Советские руководители всегда обещали, что производство продуктов питания, потребительских товаров и услуг будет увеличиваться и что уровень жизни повысится. В социалистической теории эти обещания связаны со способностью социалистической системы существенно повысить продуктивность производства, его технический уровень и т. д., тем самым снижая производственные затраты и обеспечивая снижение цен. Идея проста, но на деле продуктивность производства растет в высшей степе-

ни медленно, в СССР технический прогресс отстает от такового в капиталистических странах, затраты на производство постоянно растут, а покупательная способность рубля основательно подорвана.

Советское государство в значительной степени субсидирует основные продукты и услуги (хлеб, молоко, квартплату, отопление, здравоохранение, образование, общественный транспорт, пенсии, социальные блага и т. д.). Это делается во многих странах, но советские руководители пошли дальше. Страшась отступить от догмы и стремясь установить разумное соотношение между производственными затратами и ценами, субсидируют товары и услуги не только первой необходимости (от керосина, электричества, почтовых и телефонных услуг до таких продуктов питания как масло, сахар, растительное масло), но и цены за гостиницу, воздушные путешествия, туризм, такси, кино, театры, политические и художественные книги, прессу и т. д. Государство оплачивает дома и обеспечивает газ, воду и телевидение бесплатно. В результате эти блага используются неэкономично и расточительно.

В 30-е годы, когда городское население составляло 30-40 млн. человек, было относительно просто обеспечить эти услуги. Но в 80-х, когда городское население достигло 180-190 млн. человек, это стало чрезвычайно трудной задачей. Единственным путем продолжать такие субсидии было замораживание доходов. В итоге возникли любопытные диспропорции на цены разных товаров; некоторые были искусственно занижены, некоторые нормальны, а некоторые в высшей степени высоки (одежда, обувь, радиооборудование, холодильники, часы, машины, калькуляторы и т. д. – все относятся к последней группе). В результате сократилось потребление дорогих товаров и возникла нехватка фондов для субсидирования дешевых. Горбачеву не повезло: признание инфляции и повышение многих расценок произошли при нем, а не при Андропове или Черненко. Эта потребность возникла уже давно. Видимо, Горбачев собирается пересмотреть экономические приоритеты и увеличить зарплату хотя бы тем, кому необходимы товары и услуги из несубсидируемого сектора (например, экономические книги или калькуляторы) и тем, кому платят так мало, что трудно сводить концы с концами (низкооплачиваемые пенсионеры, инвалиды войны и вдовы). Но повышение цен во многих секторах неизбежно.

Проект устава был опубликован 2 ноября 1985 г.[16] Основные установки остались неизменными, но были введены элементы, усиливающие власть генерального секретаря. Прежние партийные уставы не указывали, как именно должен избираться Генеральный секретарь. Этот пост возник исторически, из организационной необходимости. Во времена Ленина он был главой партии, но не генеральным секретарем. Сталин был и главой, и генеральным секретарем, но после войны он упразднил этот пост. Хрущев был первым секретарем, а пост генерального секретаря был восстановлен Брежневым в 1966 г., но без изменения партийного устава. В новом уставе титул был „легализован" и рассматривается как прерогатива официального лидера партии. Впервые было признано существование партийного аппарата. Предыдущие уставы оправдывали создание ЦК и региональных комитетов, но не специфицировали структуру и функции аппарата, обслуживающего комитеты. Таким образом, масса отделов и секций партийного аппарата, которые не просто существовали, но и располагали огромной властью, до сих пор не были признаны формально.

Новый устав понизил уровень неприкосновенности членов партии перед законом. Это важное изменение. На основании предыдущих уставов было невозможно обвинить члена партии в уголовном преступлении, если он не исключен из партии. Это было реакцией на сталинский террор, когда членов партии часто арестовывали без всяких обвинений. Но в итоге получилось так, что члены партии, подозреваемые в коррупции или иных преступлениях, могли избежать следствия и суда, так как местные комитеты партии отказывались их исключить. В новом уставе такая неприкосновенность была уничтожена. Решение партии об исключении ее члена стало зависеть от решений органов следствия и суда (член партии, признанный невиновным, не исключался). Но это положение в то же время усиливает власть КГБ и МВД. Со строго теоретической, законнической точки зрения, новые правила верны и приемлемы. Но поскольку в Советском Союзе нет независимости закона, в итоге Генераль-

ный секретарь и Политбюро приобрели еще большую власть.

Антикоррупционная кампания, продолжаясь, затронула местных партийных чиновников и некоторых членов ЦК, например, Асанбая Аскарова, секретаря обкома в Казахстане. Его обвинили в растрате больших сумм, отпущенных на строительство, для сооружения частных охотничьих угодий, и т. д.[17] На деле, привилегии членов Политбюро и секретарей обкома иметь охотничьи угодья были введены при Брежневе, и дело Аскарова должно было послужить предупреждением остальным секретарям обкомов.

В общем, Горбачев ввел очень мало общественно и политически значимых изменений в течение своего первого года пребывания на посту генсека. В этом сказались чутье профессионального партийного чиновника, понимающего, что либерализация и демократизация могут обернуться против его касты, а также интересы новой горбачевской команды, где ни Лигачев, ни Чебриков, ни Рыжков не имеют ни малейшего желания сделать систему либеральнее. Они не сознают, что некоторая степень свободы для несогласных необходима в идеологической области, что только взаимодействуя с какой-то формой оппозиции, правящая партия может избежать догматизма, идеологического застоя и теоретической бесплодности своих политических принципов. Откладывание осуществления прогрессивных начинаний в общественной и политической областях после вступления Горбачева в должность позволяют более консервативным элементам укрепить свои позиции. Но существует противоречие между поставленными Горбачевым экономическими целями и требуемой для их достижения модернизацией и его попыткой достичь этих целей, используя все ту же политически негибкую и недемократическую систему. Возможно, Горбачев еще не осознал настоятельную необходимость поддержки более прогрессивных и либеральных элементов в партии или он не в состоянии это сделать.

Есть две возможности сбалансирования непопулярных экономических мер, которые необходимо осуществить. Первая – это либерализация и попытка получить действительно всенародную поддержку. Вторая – это использование консервативных методов, усиление личной власти, насилия и ограничений. К сожалению, похоже, что сейчас избран второй путь. Но невозможность обеспечения действительного экономического прогресса этими средствами может „повернуть" Горбачева, который пока еще, кажется, способен менять линию поведения. Обладание властью изменяет человека, но Горбачев лишь в начале этого пути. В какую сторону он будет изменяться, в лучшую или худшую, – покажет время. Через 70 лет после революции у советского общества имеется лишь одна возможность – надеяться.

НОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПРИ ТОЙ ЖЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Некоторые западные дипломаты утверждают, что цели советской внешней политики не меняются со времен второй мировой войны или даже со времен революции, что это всегда одна цель – экспансия и мировое господство. Одни убеждены, что экспансия присуща именно коммунистической идеологии и идее мировой революции. Другие доказывают еще более убедительно, что экспансионизм предшествовал теперешнему режиму, что он был присущ политике Российской империи, начиная с XV в., что экспансионизм – отличительная черта русских правительств, независимо от идеологии.[18] Неудивительно, что обе эти точки зрения отрицаются в работах советских историков. Они объясняют предреволюционную экспансию России как объединение, или пред- и послереволюционную экспансию как необходимость защиты народов Азии от Запада, прежде всего от Германии. Память о германском вторжении и последовавшей за ним войне (1941–1945 гг.) до сих пор определяет советскую политическую ментальность.

На деле территориальная экспансия присуща многим нациям на протяжении тысячелетий. Но большинство наций заменили территориальную экспансию другими ее формами – экономической и идеологической. Экономическая экспансия и создание экономических или торговых „империй" есть непосредственный результат способности индустриальных капиталистических стран к научному и техническому прогрессу ввиду конкуренции. Наиболее гибкие и мощные экономические системы (например, американская или японская) стали лидирующими

в мировой экономике. Идеологической (или политической) экспансии обычно подвергаются страны, пережившие внутренний политический кризис и развал продажной, неэффективной, авторитарной или колониальной системы. Развал, или „революция", часто вызывает движение к социализму. Социалистические идеи стали привлекательны в XX веке, особенно для стран победнее, для которых западная идея „свободного мира" еще более утопична, чем марксистская идея централизованной экономики и справедливого распределения благ.

Если рассматривать советскую внешнюю политику по этим упрощенным схемам, она представляется частично следствием всего происходящего в мире, а частично итогом внутренних нужд и традиций. Если попытаться судить о намерениях Горбачева во внешней политике в соответствии с их отражением в новой программе партии, то идеологическая экспанция СССР в будущем должна сократиться по сравнению с тем, что обещали предыдущие программы. Один из разделов новой программы посвящен теории борьбы между „силами прогресса и реакции" в современном мире. Все прогрессивное ассоциируется с Советским Союзом и социализмом, в то время как капиталистический мир, и особенно США, объявляется источником всего реакционного. Но программа не содержит генерального плана борьбы с реакционными силами мирового империализма. Единственное ясное заявление о целях внешней политики — о сотрудничестве с социалистическими странами на взаимовыгодной основе, ради осуществления социалистической экономической интеграции и „объединения усилий... для совместного решения задач исторической значимости — выходу на передовые рубежи науки и техники".[19] Судя по программе, ход соревнования социализма с капитализмом в огромной степени зависит от... успехов созидательной деятельности каждой страны.[20] Программа также обещает солидарность с недавно освободившимися странами и сотрудничество с ними, но не новую существенную помощь.[21]

К 1985 г. советское руководство осознало, что особое положение СССР как „сверхдержавы" и уже осуществленная идеологическая и политическая экспансия требуют очень высоких экономических затрат и приносят мало выгоды. Брежневское руководство гордилось своими международными успехами,

такими как американское поражение во Вьетнаме, социалистические преобразования в Анголе, Мозамбике и Эфиопии и интенсификация революционных движений в Латинской Америке. Но после каждой успешной социалистической революции вновь возникшая братская страна требовала экономической помощи и не могла ничего предложить взамен. Неспособность СССР оказать хоть какую-то помощь голодающей Эфиопии (советская печать не сообщала о голоде более года, а когда сообщения об этом появились, они были искаженными), найти политическое или военное решение афганского конфликта свидетельствует об ограниченности советского экономического и военного могущества. Энергетический кризис в Восточной Европе в 1984-1985 гг. был следующим тревожным симптомом. Зависимость СССР от капиталистических стран Запада в области развития передовой технологии и поставок таких товаров как зерно, мясо, сахар и масло из-за нехватки внутри страны тоже сыграла роль в переоценке приоритетов во внешней политике.

Возрастающая сложность внешних связей Советского Союза, управление внешней политикой на разных уровнях (дипломатическом, экономическом, военном, разведывательном, политическом), осуществление ее непосредственно или через посредников, часто без координации между этими уровнями из-за изолированности соответствующих отделов, секретности и бюрократизации, создали к концу брежневской эры ситуацию, в которой Советский Союз более не мог позволить себе платить прежнюю цену за свою „империю". Государств-клиентов оказалось слишком много, а выгоды — слишком мало. Провал разрядки и новая гонка вооружений привели к негативным последствиям, но Советский Союз упорно отрицает, что интервенция в Афганистан в 1979 г. и политический кризис в Польше в 1980-1981 гг., хотя бы в какой-то мере способствовали ухудшению положения.

Горбачев лучше приспособлен к внешнеполитической деятельности, чем его предшественники. Это выявилось во время его посещения Британии в 1984 г., когда он стал любимцем западной прессы. Как политический деятель он произвел впечатление на всех политиков за границей, имевших возможность беседовать с ним. Он охотно выступал на пресс-конференциях,

давая логичные (хотя не всегда точные) ответы. Особо следует отметить его выявившуюся тогда способность обсуждать широкий круг проблем, учитывая, что до 1984 г. его опыт в области внешних отношений был довольно ограниченным. Но иногда он бывает чрезмерно самоуверен и пытается решить проблемы, которых не знает. Так, говоря с французскими корреспондентами непосредственно перед своим визитом во Францию, он сделал поразительное заявление, что советские достижения в области прав человека могут быть оценены по численности рабочих среди депутатов в Верховном Совете. Там, сказал он, имеется больше представителей рабочего класса, чем „во всех парламентах развитых капиталистических стран вместе взятых".[22] На самом же деле, Верховный Совет часто подвергается критике за преобладание в его составе профессиональных партийных и государственных чиновников. В 1950 г. только 7% депутатов были рабочими. Это число возросло до 11% в 1962 г. и до 18% в 1974 г. (совместная доля партийных и государственных бюрократов была, соответственно, 45, 40 и 36%).[23] Это показало, что Горбачев не знает, что на Западе членство в парламенте – работа, занимающая все время парламентария, и он не занимается ничем другим. Таким образом, блестящие личные способности к дипломатии иногда проявлялись лишь вследствии слабости оппонентов Горбачева.

Рейган основательно готовился к своей встрече с Горбачевым, и это сказалось положительно на интеллектуальном уровне их переговоров. Их показывали по советскому телевидению. Советские зрители не видели ничего подобного со времен Хрущева. Это вызвало интерес даже обычно аполитичной советской молодежи. Обаяние Горбачева, его чувство юмора, быстрота ответов, попытка найти убедительные доводы и не очень частое обращение к демагогии вдруг ввели личностный элемент в противостояние Востока и Запада. Это само по себе способствовало уменьшению напряжения. Горбачев явно не походил на человека, готового при первой возможности сбросить на западные страны ядерные бомбы.

В апреле американские конгрессмены посетили Советский Союз. и имели четырехчасовую встречу с Горбачевым. Тип О'Нил, спикер Конгресса США, вручил Горбачеву письмо президента

Рейгана с предложением о встрече. О'Нил был очень впечатлен Горбачевым, и широко цитировалось его высказывание, что „Горбачев был бы великолепным юристом, выдающимся адвокатом. Он мастер слова, мастер политического и дипломатического искусства".[24] Американские журналисты тоже писали о нем как о „хорошо информированном лидере, с прекрасными манерами, энергичном, твердом, остроумном, и, кроме всего прочего, обладающем дисциплинированным умом".[25] Но они не заметили никакого изменения в советской политической линии. Заявления Горбачева содержали „те же элементы жесткой советской линии, но преподносились они не в обычном педантичном советском стиле".[26] Они понимали, что Горбачев вознесся на вершину власти благодаря сочетанию идеологического догматизма убежденного коммуниста с интеллектом, политическим мастерством и силой личности.

Во многих отношениях Москва в 1985 г. стала дипломатической столицей мира. Политические лидеры выстраивались в очередь на визит к Горбачеву. Он знал, что некоторые его жесткие меры внутри страны (особенно экономические и кампания против пьянства) вряд ли создадут ему популярность, что продолжающаяся кампания против коррупции и смещение должностных лиц на местах и в центральных министерствах может вызвать настороженность партийной элиты. В то же время международная арена давала ему идеальную возможность представить себя как выдающегося лидера, много сделавшего для своей страны и для сохранения мира. Хотя он стал генеральным секретарем и наиболее влиятельным лицом в Политбюро, он все еще нуждался в поддержке его остальных членов. Все важные решения представлялись как совместные резолюции ЦК и Совета министров. Положение в сельском хозяйстве и экономике не могло измениться мгновенно. Для этого нужны были годы, без уверенности, особенно в сельском хозяйстве, что вообще что-то выйдет. Никакие личные данные руководителя не могли обеспечить быстрый рост производства зерновых, но сильные стороны его личности и политическое мастерство могли принести богатый дипломатический урожай. Он должен был ясно сознавать, что именно в этой области ему следует создать себе популярность и „культ личности". К тому же во внешней

политике он мог быть уверен во всеобщей поддержке внутри страны. Не только по идеологическим причинам и в силу партийной дисциплины многие советские граждане наблюдают за его выступлениями на международной арене, в этом часто играют роль национальная гордость и патриотизм, а также тот резкий контраст, который проявлялся при сравнении Горбачева со скованным и косноязычным Брежневым.

Во внешней политике Горбачеву необходим был конкретный успех, и значимым успехом могло быть только улучшение отношений с Западной Европой и, что еще важнее, – с США. Ключевой стала проблема гонки вооружений, хотя она и не исчерпывала сложного комплекса отношений между Востоком и Западом. Второе место занимал Афганистан; эта проблема играет роль и во внутренней и во внешней политике. Война затянулась (она уже длится намного дольше, чем Великая Отечественная война), и конца не видно. Это создавало и политические и военные затруднения. Были и другие проблемы – Китай, Индия, Пакистан, Ближний Восток, Куба, Никарагуа, Ангола, Южная Африка, Вьетнам и Кампучия, война в Персидском заливе, – но ни одна из этих проблем не была неотложной. Если Горбачев хотел ускорить экономическое развитие, главной задачей его дипломатии должно было стать уменьшение затрат на нужды внешней политики, что означало существенное сокращение вооружений.

Стратегию Горбачева было нетрудно предсказать. В начале апреля бывший президент США Ричард Никсон сделал такое предсказание:

„Главная проблема Горбачева внутри страны – экономика. В этой области Запад силен, и он нуждается в нашей помощи. Ему нужно заботиться о Восточной Европе и других странах, входящих в советскую империю. Любая „колония" Советского Союза – обуза и требует материальной поддержки".[27]

Горбачев сделал первый ход, дав традиционное „интервью" неназванному редактору „Правды". Оно было опубликовано 8 апреля. Он использовал стандартную формулировку, что международные отношения определяются существованием двух различных общественных систем и что основой этих отношений является „мирное сосуществование" социализма и капитализма.

Продолжение прозвучало как торжественное провозглашение доброй воли советского руководства:

„И с этого дня – хочу подчеркнуть – Советский Союз вводит мораторий на развертывание своих ракет средней дальности, приостанавливает осуществление других ответных мер".[28] Однако он ставил условием, что Соединенные Штаты должны со своей стороны прекратить развертывание ракет средней дальности в Европе. Советский мораторий должен длиться до ноября (на самом деле он не был снят и позднее). Решение это было, конечно, более популярно в Восточной Европе (где должны были разместить советские ракеты), чем в США, где считали, что развертывание американских ракет есть реакция на уже имевшее место советское наращивание сил. Как можно было предвидеть, США отвергли предложение о замораживании на том основании, что это сохранит советское преимущество и что предложение СССР имеет целью вбить клин между США и их европейскими союзниками. В частности, считалось, что оно повлияет на решение голландского правительства, которое в ноябре должно было обсуждать, разрешить ли размещение 48 крылатых ракет на территории Нидерландов (решение, принятое позже, оказалось компромиссным – было разрешено размещение крылатых ракет при условии сокращения других видов вооружения).

Весеннее дипломатическое расписание Горбачева не было неожиданным. В апреле он отправился подписать соглашение о продлении Варшавского договора еще на 20 лет и участвовал там в напряженном обсуждении прочих проблем входящих в Организацию Варшавского договора стран. Для многих восточноевропейских лидеров это было первой возможностью увидеть его после похорон Черненко. В мае премьер-министр Индии Раджив Ганди нанес официальный визит в Москву. Хотя Горбачев и хотел снизить расходы на советское вмешательство за границей, Индия была важным дружественным государством в Южной Азии и солидным импортером советского промышленного оборудования и вооружений. Но Индия имела отрицательный баланс в торговле с Советским Союзом и нуждалась в периодических займах. Было подписано несколько соглашений, о которых сообщила советская пресса. Однако не сообщалось о предос-

тавлении Индии займа в размере 1 млрд. 200 млн. долларов (в этом не было ничего необычного – детали о кредитах и финансовой помощи не публикуются и не требуют одобрения Верховного Совета).

Основные дипломатические события года намечались на осень. Первым был официальный визит Горбачева во Францию в начале октября, за которым в конце того же месяца должна была последовать встреча на высшем уровне в Софии участников Варшавского договора и в ноябре – встреча на высшем уровне с президентом Рейганом в Женеве. Внимание всего мира было сосредоточено на последней встрече. Но сперва Горбачев должен был сформировать свою „команду" по внешней политике. Были заменены многие послы, но главным событием было повышение Громыко, дольше всех в мире занимавшего пост министра иностранных дел, и его замена Шеварднадзе, совершенно неизвестного вне СССР. На самом деле, неопытность Шеварднадзе во внешней политике была выгодна, если намечались изменения в этой политике. Были и другие назначения на руководящие должности в области внешней политики. Николай Патоличев, министр-ветеран внешней торговли (занимавший этот пост с 1958 г.), был отставлен и заменен Борисом Аристовым, советским послом в Польше с 1978 г. Это министерство занимается преимущественно торговлей с капиталистическими странами. Советский посол на Кубе, Константин Катушев, был отозван в Москву и назначен председателем Государственного комитета по внешним экономическим связям, который занимается торговлей с социалистическими странами. Ранее Катушев был видной фигурой: он был секретарем ЦК в 1972-1977 гг., заместителем председателя Совета министров и советским представителем в Совете Экономической Взаимопомощи. Его считали возможным преемником Косыгина на посту председателя Совета Министров, но он лишился поста международной значимости в 1980 г. и заместил Воротникова на Кубе в 1982 г.

Празднование 10-ой годовщины Хельсинкских соглашений в августе предоставило обеим сторонам возможность сделать либеральные жесты. В начале августа 35 делегаций собрались в финской столице. На трехдневной конференции неизбежно должны были обсуждаться проблемы прав человека. Жест Рейгана состоял в приглашении советских специалистов присутствовать на ядерных испытаниях в Неваде. Горбачев отверг эту идею и провозгласил односторонний пятимесячный мораторий на все ядерные испытания, начиная с августа, в 40-ю годовщину разрушения Хиросимы атомной бомбой. Он не сделал никакого жеста доброй воли в области прав человека, хотя мог кое-что предложить.

Хельсинкские соглашения предусматривали совместные решения по расширению обмена информацией. Ничто не противоречит этим резолюциям более, чем практикуемое в СССР глушение передач Би-Би-Си, „Голоса Америки, „Немецкой волны" и подобных им радиостанций, вещающих на русском и других языках народов СССР. Более того, глушение, производимое несколькими тысячами специально для этого созданных передатчиков, обходится советскому правительству в изрядную сумму денег. Ни внутри СССР, ни вовне глушение никому не нравится, поскольку шум мешает слушать все передачи на коротких волнах. Хотя иногда глушение прекращали (например, с 1954 г. до вторжения советских танков в Будапешт в 1956 г., затем в 1960 г. и в периоды ослабления напряженности в 70-ые годы), оно стало особенно интенсивным и эффективным в 80-ые годы. Годовщина Хельсинкских соглашений представляла идеальную возможность продемонстрировать прекращение политики, порожденной паранойей. Горбачев упустил эту возможность, и никто на Западе не указал ему на то, что глушение нарушает дух Хельсинки.

Встречи Горбачева с западными лидерами после нескольких месяцев его пребывания в должности не дали ни малейшего указания на изменения в советской внешней политике. Были сделаны новые предложения о разоружении, но они были так тесно связаны с требованиями прекращения программы „звездных войн" (или, правильнее, программы в рамках Стратегической оборонной инициативы), что достижение соглашений было маловероятным. Ходили слухи о возможности возобновления дипломатических отношений с Израилем, но на деле летом советская антисионистская пропаганда усилилась. Самой серьезной проблемой внешней политики оставался Афганистан. Присутствие в Афганистане семи или восьми дивизий (120 тыс. чело-

век) было главной помехой во внешней политике. Борьба там интенсифицировалась с марта, и необходимы были новые инициативы и предложения. Война такого рода не может продолжаться бесконечно. Семи или даже десяти дивизий было недостаточно для сохранения в стране эффективной оккупации. Лагеря беженцев, где находились около 5 млн. человек, стали идеальной средой для воспитания молодых бойцов за Ислам. Ситуация эта весьма сходна с испытанной Израилем в связи с палестинскими беженскими лагерями в Иордании, Сирии и Ливане, но оказалось еще сложнее создать хорошо оборудованную, наглухо закрытую, пограничную зону вокруг большого гористого и редко населенного Афганистана. Похоже, эта проблема не имеет решения. Советское вторжение в Пакистан (по аналогии с израильским вторжением в Ливан в 1982 г.) не было бы привлекательным, так как могло бы привести к большой войне в районе, который уже сейчас трудно контролировать. Опасность была в том, что Горбачев соблазнится принять военное решение, не попытавшись найти политический выход, как предсказывал Киссинджер в 1978 г., что, возможно, новое поколение советских руководителей будет „свободнее от сомнений в верности своих решений, и поскольку у них не будет комплекса неполноценности, ... они могут поверить в то, чем хвастают, (и) ... могут вследствие этого оказаться много опаснее".[29]

Неожиданное возвращение маршала Огаркова и выход его книги „История учит бдительности" в июне казались признаками его реабилитации. Ожидалось, что его назначат главнокомандующим силами Варшавского договора, но было равно вероятно, что он станет военным советником Горбачева. Обычно генеральный секретарь имеет личных военных советников, но их имена не открывают. Брежнев больше чем всем другим доверял генерал-полковнику Константину Грушевому, приятелю Брежнева со времени их студенческих дней в Днепродзержинске и коллеге по Днепропетровскому обкому. Грушевой остался в армии после окончания войны, став начальником политотдела Московского военного округа. Его тесная связь с Брежневым стала очевидной только после смерти Грушевого в 1982 г., когда он неожиданно был похоронен на Красной площади. У Брежнева был также советник по ракетам, сопровождавший его на переговоры по ограничению стратегических вооружений. Горбачеву нужна будет группа более молодых военных советников, чтобы иметь свежий взгляд на советское военное присутствие в мире. Огарков, энергичный и разбирающийся в технике маршал, смещенный Черненко, был замечательным кандидатом для формирования такой группы.

Возможно, военные советники Горбачева и предлагали усилить военную активность в Афганистане. В 1979 г. главной целью Брежнева в Афганистане было обезопасить Кабул, другие крупные города и все дороги и коммуникации в течение дня или двух. Эта тактика оказалась очень успешной в Чехословакии в 1968 г. Но в Афганистане она породила затяжную партизанскую войну на истощение и миллионы беженцев из сельской местности. Андропов одобрил расширение могущественного отдела безопасности — КХАД, афганской службы госбезопасности, построенной по образцу КГБ и имевшей специализированные отборные пограничные части. КХАД завербовал многих новых агентов, и их проникновение в силы сопротивления усилилось. Группы КХАД даже создавали партизанские отряды, чтобы вызвать недоверие местного населения к сопротивлению и породить подозрительность в целях деморализации разъединенных сил сопротивления. Техника инфильтрации успешно использовалась против инакомыслящих в СССР и внесла свой вклад в процесс „нормализации" в Чехословакии. Когда Черненко наследовал Андропову, он добавил свое в этот репертуар — создание народной милиции наряду с регулярной афганской армией. Так как население противилось службе в регулярных частях армии, надеялись, что милицейские части окажутся заменителем, способным „афганизировать" конфликт.

Горбачев стал наступать и на военном, и на политическом фронтах. Вновь созданное в афганском правительстве Министерство по делам Ислама искало путей смягчения конфликта между исламом и марксизмом, были восстановлены советы старейшин в районах проживания племен и одновременно были расширены военные действия. Интенсивней, чем ранее, стали минировать пограничные дороги, и обычные армейские соединения были заменены советскими частями типа „командос". Усилилось давление на Пакистан, чтобы прекратить поставки

оружия группам сопротивления, и в апреле участились бомбардировки пакистанской территории.[30] В советской печати стали больше писать о боях, прямо указывая на американское вмешательство (статья в „Известиях", например, утверждала, что только в Пешаваре по меньшей мере 200 американских добровольцев, переодетых афганскими повстанцами, принимали участие в боях).[31] Делались попытки популяризировать войну, используя подъем патриотизма в связи с сорокалетием победы в Европе. Стали писать как о героях о солдатах, готовых пожертвовать собой за родную страну. По советскому телевидению несколько раз передали сцены битв, что было беспрецедентным.[32] Хотя Горбачев утверждал, что он предпочитает политическое решение вопроса, было похоже, что он намерен быстро закончить войну военными средствами. По-видимому, появилось намерение создать военизированную зону вдоль границы с Пакистаном, подобную существующей между СССР и Китаем или Ираном. Изображение войны в Афганистане как места боевых подвигов было первым шагом подготовки населения к усилению советского вмешательства. Слухи за рубежом в течение лета, что Горбачев, возможно, обдумывает „постепенный отвод советских войск..., чтобы высвободить средства для внутренних реформ",[33] преувеличивали экономические последствия войны. Масштабы военных операций невелики для советской армии, а политическая цена решения, если бы оно выглядело как поражение, для Горбачева была куда выше, чем для Андропова и Черненко. Единственно приемлемым для Горбачева с политической точки зрения было бы сохранение марионеточного афганского правительства при сокращенном присутствии советских войск в Афганистане.

Война в Афганистане дорого обходилась и США. Только в 1985 г. Конгресс США ассигновал ЦРУ 470 млн. долларов на обучение бойцов афганского сопротивления и обеспечение их оружием.[34] Часть вооружения, поставляемого из США, не дошла до партизан; оно досталось пакистанской армии, враждующим между собой племенам в пограничных районах или торговцам наркотиками, которые являются сейчас основными поставщиками опиума и героина (главным образом, на Запад). Широкая пограничная полоса между Пакистаном и Афганистаном стала

полуавтономной, сильно военизированной зоной, которую пакистанская армия не может эффективно контролировать и которая в течение многих лет является источником нестабильности в Афганистане, играя роль аналогичной той, которую сыграл для Вьетконга Северный Вьетнам. Военные действия СССР в Афганистане, конечно, не предаются гласности с такой объективностью, как действия США во Вьетнаме освещались в Америке. С другой стороны, СССР имеет куда меньшую международную поддержку (практическую и моральную), чем та, которой пользовались США в 1963-1973 гг.

Война в Афганистане имела серьезные последствия для советского военного истаблишмента. Выяснилось, что трудно вести продолжительную войну малыми силами только с помощью новобранцев. В длительной войне участвуют солдаты-долгосрочники, армия постепенно приобретает фронтовой опыт, и солдаты и младшие офицеры участвуют в боях вплоть до окончания войны. Армия мирного времени, состав которой постоянно обновляется, на долгие периоды может сохранить лишь ограниченный контингент опытных кадров. Солдаты демобилизуются после двухлетнего срока службы. Кроме того, население узнает о войне все больше из слухов и рассказов очевидцев. И война становится все менее и менее популярной. Советское руководство оказалось перед сложной проблемой, откуда взять 10-20 дивизий профессиональных солдат, достаточно обученных для настоящих сражений. Необходимо было заменить целиком политический подход советского военного командования. В то время как армия повстанцев совершенствуется и делается все более профессиональной, в советской армии очень низок моральный уровень, и новобранцы плохо подготовлены к такому типу войны. В итоге, советские военные силы применяют все более и более сложное оружие и ограничиваются нападениями на стратегические центры и рейдами десантников. Советскому военному командованию становится все более ясно, что партизанская война с исламскими фундаменталистами много труднее, чем они ожидали.

Как известно, Горбачев создал специальную комиссию советников по исламским делам, которая должна докладывать Политбюро. Возможно, это оказало определенное влияние на

политику в отношении Афганистана. Но возможно также, что генералы и офицеры, имеющие опыт войны в Афганистане, будут продвинуты в 1987 г., когда власть Горбачева укрепится и он приступит к омоложению советского военного командования. До сих пор военные верхи в СССР состояли из офицеров, участвовавших в Великой Отечественной войне. Теперь они состарились и отстали от времени. Когда их начнут замещать ветераны Афганистана, они могут выступить за усиление советского военного присутствия, считая, что уход будет возможен только после „нормализации". Это не предвещает ничего хорошего в советско-американских отношениях. Заявления Горбачева о возможности политического решения афганской проблемы обманчивы. Ему не с кем ее обсуждать, разве со своими коллегами по Политбюро. Если вести переговоры с соседними исламскими странами, то они неизбежно поставят условием отвод советских войск, а „афганизация" войны имеет мало шансов на успех. Поэтому „советизация" Афганистана путем существенного увеличения там численности советских войск представляется вероятным решением.

Не было ничего неожиданного в западной политике Горбачева. Он надеялся получить поддержку Западной Европы в кампании против СОИ и за ядерное разоружение. Он хотел также, чтобы страны Западной Европы приняли участие в советской и восточноевропейской программах технологической модернизации и надеялся на сепаратные переговоры с Великобританией и Францией об их ядерных силах. Это могло бы найти отклик, если бы Горбачев высказал хоть какую-то склонность к либерализации внутри страны, как это сделал Хрущев до и после вторжения в Венгрию в 1956 г. Брежневская политика разрядки была продолжением инициатив Хрущева и тоже была связана с ограниченной либерализацией „дома" (прежде всего с разрешением советским евреям, немцам, грекам и армянам эмигрировать). Но в 1985 г., когда в Польше еще сохранялись законы военного времени, когда продолжалась война в Афганистане, эмиграция была заморожена, научный и культурный обмен с СССР приостановлен, не было объективных условий для улучшения отношений с Западной Европой. Советские надежды на успех были основаны на двух факторах: на экономических

трудностях и безработице в Западной Европе и на личном обаянии нового руководителя. Вне сомнения, Горбачев лучше подавал идею советско-европейского сотрудничества, чем его предшественники. Но Западная Европа достаточно изощренна, чтобы можно было преуспеть только на обаянии.

Поездка Горбачева во Францию в октябре была проверкой реальности советских ожиданий. Она принесла личный успех Горбачеву, но „атака горбачевского обаяния", по выражению западных средств информации, не дала политических и экономических результатов. Он вновь продемонстрировал свое политическое мастерство, способность к современным формам общественных контактов, энергию, изящество, но не отказался от традиционных советских целей. Он ни в коем случае не признавал ответственности за неверное поведение или ошибки СССР в прошлом. Его позиция основывалась на том, что все действия Советского Союза в прошлом и в настоящем правильны, и это не произвело хорошего впечатления в Западной Европе. Стиль Хрущева был менее изысканным, костюмы его были старомодны, а манеры никак не дипломатичны. Но он действительно вел новую политику и оказался способным признать, что Советский Союз не всегда был прав. Если бы Горбачев вдобавок к своему дипломатическому мастерству проявил политическую гибкость, он бы больше преуспел в Европе. Но он раздражался при вопросах о правах человека и по поводу эмиграции и неверно понял политику Франции, надеясь уговорить Миттерана на сепаратные переговоры о ядерных вооружениях.

В конце октября Горбачев принял участие в двухдневном совещании Политического консультативного комитета стран Варшавского договора в Софии, после которого было опубликовано официальное заявление, где повторялись все те же заезженные декларации, без политической инициативы, способной вызвать интерес внутри или вне советского блока. В заявлении было сказано, что руководители стран Восточной Европы обсуждали общие экономические проблемы, но какие именно не говорилось. Восточноевропейские руководители не получили никакого выбора, кроме поддержки советской политики, а разногласия остались за закрытыми дверьми. Почти очевидно, что наступающая зима вынуждала такие страны как Румыния,

Чехословакия и Польша добиваться увеличения поставок советской нефти и бензина, чтобы избежать энергетического кризиса, который имел место в 1984 г. Советские поставки нефти Восточной Европе в 1985 г. были сокращены из-за производственных проблем. Горбачев не мог им ничего обещать, и в ноябре цена на горючее в Польше и в других странах была резко поднята, чтобы сократить потребление.

Вернувшись из Софии, Горбачев стал готовиться к основному дипломатическому событию года — встрече с Рейганом в Женеве. Советская позиция на женевских переговорах уже была разработана и ее одобрили советские союзники в Софии. Ожидалось сообщение о существенном сокращении общего числа стратегических ядерных боеголовок (которые могут достичь американской территории) — советское предложение предусматривало, что каждая сторона может иметь по 6000 боеголовок. Этого достаточно для взаимного уничтожения, но на 50% меньше, чем предусматривалось соглашением ОСВ-2. Соединенные Штаты в принципе согласились на это, но между сверхдержавами возникли разногласия по поводу распределения предложенных сокращений. США добивались существенного сокращения советских ракет наземного базирования (главная часть советского ядерного арсенала). Со своей стороны, СССР настаивал на включении в это число американских ракет средней дальности, размещенных в Европе и способных достичь советской территории, а также на обсуждении вопроса о ракетах СС-20 (способных достичь Западной Европы) на отдельном совещании. Естественно, об этих деталях могли окончательно договориться только эксперты, но не политики во время двухдневной встречи. Однако в принципе советское предложение было реалистическим и создавало почву для обсуждения, если бы оно не связывалось с требованием прекратить все исследовательские работы по проекту СОИ. Советский страх перед СОИ понятен. Если США сумеют создать щит, защищающий их территорию от ракетного удара, Америка сможет сама нанести первый удар. Даже если щит не гарантирует полной „защиты от неожиданностей", он существенно изменит стратегический баланс. Договор об ограничении противоракетных систем, подписанный в 1972 г., разрешал каждой сверхдержаве иметь одну наземную

систему для защиты населенных центров. Но системы с элементами космического базирования являются совершенно новыми, и США, благодаря технологическому превосходству, приобретают ведущую роль.

Стоимость исследовательских работ по СОИ огромна (20-30 млрд. долларов), но не в этом главная проблема (хотя для СССР она еще серьезней из-за технологического отставания). Стоимость самой системы будет еще больше. Ученые возражают против этой идеи, потому что понимают, как трудно создать непроницаемый щит. Но эти возражения основаны на предположении американцев, что СССР нанесет первый удар. Но на самом деле проблема в том, что если США вырвутся вперед в разработке СОИ, Советскому Союзу придется заменять практически все свое стратегическое оружие. Договор ОСВ-2, ограничивающий разработку новых типов ракет, окажется совершенно ненужным и начнется новый, на более высоком технологическом уровне, этап гонки вооружений. Чтобы ослабить возражения западноевропейских союзников по поводу СОИ, США предложили разделить исследовательские работы и выразили готовность субсидировать исследования в других странах. На это были отпущены очень большие средства, и Западная Германия, и Великобритания решили присоединиться к работам. Советскому Союзу трудно протестовать против исследований. Не было международных соглашений, запрещающих исследования в этой области.

Советские утверждения, что эти „оборонительные" устройства на самом деле являются наступательными, не полностью без основания. Если щит может разрушить ракеты в полете, то, после незначительных изменений, его можно будет использовать и против других целей. Советскому Союзу будет невероятно трудно создать такую же систему, частично из-за разрыва в технологии (американцы предлагают поделиться технологией, но к этому никто серьезно не относится). СССР должен защищать куда большую территорию. Кроме того, советский щит не защитит от ракет „Першинг-2", размещенных в Европе, так как время их полета для достижения ими цели слишком короткое. Во всяком случае, вряд ли Рейган прав, считая, что СОИ положит конец ядерным вооружениям. Наступит только новый и очень дорогостоящий этап гонки вооружений.

Было ясно, что Горбачев в Женеве сосредоточит внимание на доводах против СОИ, в то время как Рейган будет продолжать настаивать на праве любой страны защищать себя и повторять обещания поделиться технологией. Кроме того, ожидалось включение в повестку дня региональных конфликтов. Во время предварительных переговоров ничто не указывало на возможность достижения на встрече в верхах какого-либо соглашения в вооружениях. Пессимисты полагали, что встреча только ухудшит отношения между сверхдержавами и что главы государств будут орать друг на друга. Даже оптимисты не ожидали никаких изменений, разве только некоторой пользы от личного знакомства Рейгана и Горбачева. И оптимисты не думали, что появится совместное заявление; полагали, что каждый из руководителей выразит несогласие с точкой зрения другого. В бесконечных дискуссиях, интервью и политических анализах по телевидению и радио накануне встречи в верхах все сходились на том, что встреча провалится. Если бы Горбачев следовал советам своих советников (например, Замятина, влиятельного человека в ЦК, или Корниенко, первого заместителя министра иностранных дел), встреча должна была бы провалиться, и „человеческий фактор" не мог бы повлиять на ее исход. Только за счет личных качеств Горбачева и Рейгана встреча оказалась относительно успешной, хотя она и не принесла никаких существенных результатов.

Важным фактором успеха была организация встречи, на которой личные контакты стали основной частью повестки дня. Установление личных отношений между главами сверхдержав затруднило впоследствии публичные выпады с обеих сторон. Оба участника встреч понимали (и, возможно, обсуждали это в разговорах между собой), что другой умереннее, чем его политики-ястребы, с которыми каждому предстояло иметь дело по возвращении домой. У обоих были основания представить встречу как успех.

Заключительное совместное заявление, незначительные соглашения о культурном обмене и т. п. – все это было второстепенным. Наиболее важным итогом этой встречи было ослабление взаимной враждебной риторики и стремления испортить репутацию другой стороны. Появилось взаимное уважение. Но

это хрупкое достижение. Малейший международный кризис, всегда возможный в районах конфронтации, может развязать враждебную пропаганду. Поездка Горбачева в США в 1986 г. и Рейгана в СССР в 1987 г., если они состоятся, как было условлено, продолжат процесс улучшения отношений между сверхдержавами.

По возвращении в Москву Горбачев сделал детальный доклад о встрече в Женеве на сессии Верховного Совета СССР.[35] Он был сдержаннее и умеренней в характеристике американской позиции (например, он не называл американцев агрессорами, хоть и утверждал, по-прежнему, что они хотят добиться превосходства). Международные отношения остались неустойчивыми, но вселяли больше надежд, чем в недавнее время.

Между тем существуют проблемы куда более простые, чем СОИ, решая которые, Горбачев мог бы проявить здравый смысл, улучшить международную ситуацию. 4 ноября на пресс-конференции в Париже его спросили: „Думаете ли вы в ближайшем будущем открыть двери СССР более широко и дать возможность советским людям свободно приезжать на Запад, а людям с Запада приезжать в Советский Союз?".[36] Горбачев не ответил на первую часть вопроса. Он определенно не намерен открыть двери советским гражданам. Что касается людей на Западе, они могут приезжать в СССР при условии, что их поездки не будут связаны... „с попытками использования в политических, провокационных целях, с тем, чтобы отравлять атмосферу, вмешиваться во внутренние дела".[37] Для примера он рассказал о группе американских туристов, совершивших поездку по Волге. Он, по-видимому, не понимает, что если бы советские граждане могли сами принимать решение о путешествии по Миссисипи, это было бы величайшим скачком в развитии социалистической демократии и величайшим укреплением дела мира. Горбачев и его коллеги по Политбюро имеют власть это сделать. Такой способ сравняться с США лучше, чем пытаться создать программу „звездных войн". Это дешевле и проще. Соревнование в области личных свобод было бы более популярным в обеих странах, чем соревнование в возможности взаимного уничтожения. Когда советское руководство начнет верить своим гражданам и предоставит им широкие возможности личного выбора

и свободы, люди в других странах поверят в мирные намерения советского руководства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Конституция Союза Советских Социалистических Республик, Правда, 4 июня 1977 г.

2 Указ Президиума Верховного Совета СССР „Об амнистии в связи с 40-летием победы советского народа в Великой отечественной войне, 1941-1945 гг.", Известия, 28 апреля 1985 г.

3 Jews in the USSR (A Weekly Information Bulletin), Vol. 14, No. 14, April 11, 1985, p. 4.

4 Там же, Vol. 14, No. 17, May 2, 1985, p. 4.

5 Там же, Vol. 14, No. 42, November 7, 1985, p. 4.

6 M. Gorbachev, A Time for Peace, New York, Richardson and Steirman, 1985, p. 253.

7 Там же, стр. 252.

8 К. Любарский, Вести из СССР, Мюнхен.

9 Е. Евтушенко, „Кабычегоневышлисты", Правда, 9 сентября 1985 г.

10 Ставропольская правда, 6 мая 1978 г.

11 L. Schapiro, The Communist Party of the Sovien Union (2 ed.), London, Allen & Unwin, 1970.

12 Программа КПСС, 1961 г.

13 Правда, 26 октября 1985 г.

14 Там же.

15 Там же.

16 Устав КПСС, Правда, 2 ноября 1985 г.

17 Правда, 14 июля 1985 г.

18 Richard Pipes, Russia under the Old Regime. Harmondsworth, Middx, Penguin, 1979, p. 79.

19 Проект Программы КПСС, Правда, 26 октября 1985 г.

20 Там же.

21 Там же.

22 M. Gorbachev, A Time for Peace. New York, Richardson and Steirman, 1985, p. 252.

23 J.F. Hough and M. Fainsod, How the Soviet Union is Governed. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1979, p. 364.

24 Time, April 22, 1985, p. 7.

25 Time, September 9, 1985, p. 4.

26 Там же, стр. 5.

27 Time, April 22, 1985, p. 8.

28 Правда, 8 апреля 1985 г.

29 Henry Kissinger, The White House Years. London, Weidenfeld & Nicolson and Michael Joseph, 1978, p. 1141.

30 Sunday Times, April 21, 1986, p. 22; Time, April 22, 1985, p. 16.

31 В. Кротков, „Душманы с американскими паспортами", Известия, 6 ноября 1985 г.

32 Serge Schmemann, Afghanistan war creates Soviet heroes, International Herald Tribune, November 13, 1985.

33 Newsweek, August 19, 1985, p. 26.

34 Time,December 9, 1985, p. 10.

35 Известия, 28 ноября 1985 г.

36 Известия, 6 октября 1985 г.

37 Там же.

НАШ АРХИВ

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Вашингтон, 5 декабря 1986 г.

„В 1952-1953 гг. я заведовал небольшой справочной библиотекой посольства Соединенных Штатов в Москве. Приводя в порядок имевшиеся там книги, я нашел 100 экземпляров сборника, изданного в 1919 г. Фондом Карнеги по укреплению мира (Carnegie Endowment for International Peace), в котором в переводе на русский язык были напечатаны Декларация независимости, Статьи Конфедерации и Конституция Соединенных Штатов с вводной статьей Джеймса Брауна Скотта (этот сборник я посылаю вам в приложении).

Нет сомнения, что Февральская революция послужила импульсом для издания Фондом Карнеги этих документов на русском языке с тем, чтобы ознакомить российских революционеров с новыми идеями. Однако к моменту окончания перевода и издания сборника положение в России изменилось. Сборник основополагающих документов американского государства попал туда слишком поздно. Мы уже не поддерживали дипломатических отношений с Россией, и в 1919-1920 гг. эти „буржуазные" документы уже не могли стать вкладом в дебаты о Конституции нового советского государства...

Ричард Т. Дэвис"*

* Посол Соединенных Штатов в Варшаве в 1972-1978 гг.